

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Международный научно-практический журнал "Вестник МИРБИС" ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>

№ 1 (13) 2018. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.1.

Статья получена: 05.02.2018

Ссылка для цитирования этой статьи: Сегал А. П. Будущее и прошлое в зеркале здравого смысла

// Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 1 (13). С. 72-78. doi: 10.25634/MIRBIS.2018.1. 10.

УДК 101.8:304.5

Александр Сегал¹

БУДУЩЕЕ И ПРОШЛОЕ В ЗЕРКАЛЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Аннотация. *Актуальность исследования:* актуальность исследуемой проблемы обусловлена, с одной стороны, насущной потребностью в построении эффективной стратегии общественного развития, каковая не может осуществиться без правильной оценки предшествующих общественных процессов, а с другой стороны, необходимостью формирования субъекта, ставящего цели и оценивающего результаты этих процессов. *Цель исследования* заключается в системном изложении результатов исследования обыденного сознания и соотнесения свойственного ему восприятия с реальным процессом развития отображаемого объекта. *Методы исследования:* ведущим подходом к исследованию данной проблемы является единство двух аспектов рассмотрения предмета: логического, то есть взятого с точки зрения субординации одновременно данных элементов, и исторического, с точки зрения их разворачивания во времени, – что позволяет отобразить общество как органическое целое в процессе его развития. *Результаты исследования:* в статье рассматриваются обыденные представления о будущем и объяснения прошлого – и их связь с проблемами настоящего, наличествующими общественными отношениями, способами рефлексии, причем особое внимание уделяется как субъектам рефлексии, так и субъектам наррации, доносящим до обыденного сознания результаты рефлексии и формирующими (деформирующими) таким образом субъектность носителей здравого смысла (обыденного сознания). *Практическая значимость:* материалы статьи могут быть полезными при экспертизе социальных проектов и прогнозов, а также для выявления попыток манипуляции и фальсификации исторической, политической и социальной информации.

Ключевые слова: прошлое, будущее, обыденное сознание, целеполагание, коммуникации.

1 Сегал Александр Петрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Ломоносовский проспект, 27/4, 119991, ГСП-1, Москва, Российская Федерация. E-mail: segal.alexander@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7314-342X; РИНЦ Author ID: 756157.

1. Введение

Затянувшийся период «дурного отрицания» новейшей истории постепенно сходит на нет. Индукторами рефлексии, безусловно, послужили и 100-летний юбилей Октября, и предстоящее 200-летие со дня рождения К. Маркса. Практически всем уже ясно, что рисовавшееся в 90-е историческое полотно тенденциозно, фрагментарно, внутренне противоречиво. И встает вопрос о новом, *системном взгляде на прошлое*. Но какой это будет взгляд? Как и зачем он будет представлен?

Одновременно спадает волна форсайтно-футуристического визионерства, и даже причудливые технократические видения Илона Маска перестают уже вызывать ажиотаж. Исследователи и практики давно ощутили несовершенство методик проектирования и прогнозирования.² К примеру, популярный футуролог Сергей Переслегин некоторое время назад сетовал, что «существующие техники стратегирования и прогнозирования не работают, но при этом они поставлены нам в обязанность» [Елистратова, 2016].

Короче говоря, запрос на изменение подходов к про-

шлomu и будущему очевиден. Что же можно предложить в качестве альтернативы? Может, хорошо забытое старое? Ведь еще в конце 60-х – начале 70-х гг. известный советский историк Б.Ф. Поршнев, рассуждая о возможности с помощью исторической науки увеличить «коэффициент прогнозируемости», отмечал, что именно «*историческая наука*, вольно или невольно, ищет путей стать наукой о *будущем* (курсив наш – А. С.)» [Поршнев, 1974. С. 26]. Правда, делать это можно по-разному. Например, уже упоминавшийся С. Переслегин увлекался контрфактической историей (в просторечии именуемой «альтернативной») и весьма активно упражнялся в ретропрогнозировании судеб Третьего Рейха, выдвигая в связи с ним варианты альтернативного «светлого будущего» без разгрома фашизма.

Для *обыденного* сознания, а точнее – в *обыденном сознании*, – соотнесение настоящего, прошлого и будущего представляет собой довольно своеобразный процесс, истекающий из особенностей этой формы сознания, стремящейся к упрощению, наглядности и аналогиям. Однако прежде чем охарактеризовать это своеобразие, мы должны хотя бы в общих чертах определить критерии научного, теоретического подхода к проблеме исторического развития.

² Это происходит, на наш взгляд, из игнорирования *социальных условий*, в которых развивается техника и технология

Большинство исследователей считает, что представления об *историческом времени* появились на рубеже Средневековья и Нового времени, в эпоху Ренессанса, а «принцип историзма окончательно восторжествовал только в XIX в.» [Барг, 1976. С. 39]. Впрочем, и на протяжении XX века историзм неоднократно подвергался сомнению. Но новейший антиисторизм коренным образом отличается от антиисторизма «классического», например, Просвещения. Последний исходил из природной сущности человека, каковую нельзя переделать, а потому ей нужно следовать – но именно это положение служило исходной посылкой для доказательства необходимости *прогрессивных перемен*. Представители антиисторизма XX века в лице К. Поппера, Ф. Хайека, Л. Мизеса и Р. Арона, М. Элиаде, Ф. Фукуямы, напротив, исходили из того, что существующая форма общества (капитализм) является наилучшей и справедливейшей «из всех донныне существовавших на земле» [Поппер, 1992. С. 485]. Тогда исторический прогресс *принципиально невозможен*, поскольку допущение возможности закономерного исторического процесса означало бы допущение в будущем иного, более прогрессивного порядка. Иными словами, современный антиисторизм руководствуется резонами, лежащими за пределами науки, в плоскости политической апологетики.

2. Методология

Мы остаемся в русле историзма и, плюс к тому, исходим из представления об обществе как развивающемся *органическом целом*, то есть о таком целом, «для которого характерна прежде всего внутренняя взаимосвязь (взаимодействие) сторон» [Вазюлин, 1988. С.11]. А это означает, что процесс его развития мысленно *воссоздается* методом восхождения от абстрактного к конкретному. Суть метода заключается в том, что на начальном этапе, на пути от чувственно-конкретного восприятия, ухватив предмет на поверхности, в его непосредственности, мысль идет к сущности, анализируя, разлагая предмет до совокупности простых определений, сторон, которые изучаются по преимуществу раздельно. В соотнесении с историей становления этого органического целого на этом пути в *снятом* виде отображается процесс *образования* его исторических *предпосылок* и процесс его *первоначального возникновения*¹. Затем совершается как бы «обратное» движение – от сущности к ее *проявлению* в непосредственном, на поверхности – т.е. к *явлению*. И, наконец, сущность и явление рассматриваются в единстве как *действительность*. С точки зрения истории предмета на этом пути в *снятом*, преобразованном виде предстает

процесс *формирования* нового органического целого, «преобразования унаследованной основы возникшим новым органическим целым» [Вазюлин, 1988. С. 24]. Это есть путь научного *изложения*, путь категориального разворачивания предмета, причем не любого, а именно развивающегося в силу внутренних причин, в силу «самодвижения сущности».

Следует помнить, что «снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» [Гегель, 1970. С. 168]. Это означает, что прошлое не поглощается настоящим, не растворяется в нем полностью, – так же как будущее не становится однозначным следствием настоящего, не сводится к нему. «Поэтому и в мысленном отображении зрелого органического целого должны быть три относительно самостоятельных витка спиралевидного движения мысли, в которых отражается настоящее, а кроме того, прошлое и будущее, в их относительной самостоятельности существования в настоящем» [Вазюлин, 1988. С. 29-30].

Если взять в качестве примера применения названного метода Марксов «Капитал», то можно увидеть, что *настоящее*, т.е. современное автору состояние общественного производства отображается движением от поверхности *капитала* (товарно-денежные отношения), к его сущности (производство прибавочной стоимости), явлению (обращение капитала), а затем действительности капитала (формы единства процессов производства и обращения капитала). Но в ходе рассмотрения товарно-денежных отношений изложение совершает еще и «малый виток», представляя поверхность, сущность, явление и действительность *товара* – то есть, исторические предпосылки капитала, преобразованные им в ходе формирования. Кроме того, в основном в III томе «Капитала», начинается рассмотрение *предпосылок* возникновения *нового* способа производства: качества, количества, меры *отрицания* капитала – но не дается позитивная характеристика, поскольку самого нового объекта еще нет, его сущность пока не возникла. «Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т.е. уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому – как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя» [Маркс, 1968. С. 49].

3. Результаты

Очевидно, что на *обыденном уровне мышления* представления о связи времен были и остаются существенно иными. Причин этому несколько. **Во-первых**, обыденная картина времён складывалась и складывается на «обломках» прежних картин: мифов, сказок, преданий, легенд, хроник, которые, в свою очередь, создавались отнюдь не в полном соответствии с реальностью и решали собственные задачи. Эти задачи были связаны с представлением предыдущих событий в контексте апологии событий актуальных – то есть, представляли собой исторический *нарратив*. **Во-вторых**,

1 Термин «первоначальное возникновение» может на первый взгляд показаться тавтологичным, но на самом деле он имеет вполне рациональный смысл и обозначает момент, когда предмет как таковой, предмет как тип возникает *впервые* [Вазюлин, 1988]. В дальнейшем он может возникать вновь и вновь, но это уже процесс повторного возникновения, или *воспроизводства*.

эти «обломки» сохранили соответствующее реликтовое понимание хода времени – в зависимости от того, из какой эпохи они попали. И **в-третьих**, эти рудименты довольно легко инкорпорировались в каждую последующую мировоззренческую схему, практически не изменяясь, что для обыденного сознания вполне естественно. «Дело в том, что вообще каждому сознанию смутно преподносится единство противоположностей. Но *обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного* (курсив наш – А. С.), при этом всегда удерживает противоположности врозь друг от друга, как будто они противоположны лишь определенным образом...» [Гегель, 1994. С. 166]. Обыденное мышление, по Гегелю, в отличие от *разумного*, отмечает различия суждений, но, «не соединяя этих мыслей, оставляет в силе взятое отдельно одно, а затем так же и отдельно другое» [Гегель, 1994. С. 166-167], в нем легко уживаются исторически разновозрастные и логически взаимоисключающие картины. Таким образом, *обыденным* Гегель полагал «чувственно-рассудочное» сознание, считающее «предметы, которые оно знает в их разрозненности, самостоятельными и самодовлеющими» [Гегель, 1974. С. 162], сознание, пребывающее в сфере *непосредственного* и доходящее до абстракции, до сущности. Образно говоря, «зона обыденности», по Гегелю, находится между чувственным восприятием и рассудочным мышлением. Собственно, рассудочное мышление есть вершина обыденного сознания.

Мы уже отмечали, что в описании обыденного сознания преобладает «своего рода "пакет" инвариантных и общепризнанных предикатов...: неспециализированное, ненаучное (эмпирическое), противоречивое, бессистемное, нерациональное, нелогичное». Иначе говоря, «все предикаты негативны, они не приписывают качество, а "отнимают" его» [Сегал, 2013]. Некоторые исследователи, впрочем, считают *единственным* системообразующим негативным определением обыденного сознания отсутствие *рефлексии* и полагают обыденное и рефлексивное как две оппозиционных интенции одного сознания [Путилин, 2014. С. 20].

Можно в определенной степени согласиться с таким направлением мысли, однако следует уточнить: обыденное сознание отторгает не всякую рефлексию. Гегель в «Науке Логике» специально отмечал: «...Философией овладел *рефлектирующий* рассудок. ... Под ним следует вообще понимать абстрагирующий и, стало быть, разделяющий рассудок, который упорствует в своих разделениях. Обращенный против разума, он ведет себя как *обыкновенный здравый смысл*» [Гегель, 1970. С. 98]. А вот рефлексия, выходящая «за пределы... разделяющих определений» и соотносящая их, «есть дело разума» [Гегель, 1970. С. 98-99].

Мы уже неоднократно приводили примеры, говорящие, что именно там, где человек теряет способность (и/или возможность) разумно, то есть, соединяя себя с другими, рефлексировать, проходит граница обыденного сознания. И именно потому, переходя эту границу, человек не может оценить

степень своей некомпетентности – и судит, говоря словами Пушкина, значительно «свыше сапога» [Кошель, Сегал, 2016. С. 667]. Таким образом, мозаичная картина времен, о которой сказано выше, складывается в *некритично* воспринимаемый профанный рассказ (нарратив), который, ко всему прочему, многократно перерабатывается носителями обыденного сознания, проходя цепочку пересказов и обрастая вольными и невольными фальсификациями и/или некорректными интерпретациями. Так рождаются *профанные картины* времен.

Каковы же эти картины? И каковы формы и методы их презентации?

Надо сказать, прошлое и будущее «методологически симметричны»: они оба не имеют смысла без соотнесения с настоящим, правда, результат при этом имеет разную исследовательскую и нарративную ценность. Поясним этот тезис.

«Опрокидывание» современных представлений в будущее, набрасывание на него наличной «когнитивной сетки» – прием неизбежный: ведь *будущего еще нет*, и мы можем исходить лишь из наличных состояний, целей, тенденций и элементов объекта прогнозирования, которые в свете этих целей и тенденций видятся как *возможные* предпосылки. Собственно, на комбинации этих факторов и зиждутся основные формы описания будущего [Сегал, 2016. С. 68]. *Поисковый прогноз* экстраполирует в будущее наличные состояния и тенденции изменений объекта прогнозирования. *Нормативный прогноз*, казалось бы, направлен «от будущего к настоящему», он ищет пути и определяет сроки достижения поставленных *целей*... Но при этом он, как и поисковый прогноз, исходит из *наличных представлений* о будущем.

И. В. Бестужев-Лада отмечал, что поисковые прогнозы имеют тенденцию к демонстрации «апокалиптических картин» будущего, а нормативные – «радужных» [Бестужев-Лада, 2006]. Иными словами, нарратив о будущем пребывает между полюсами страха и надежды. Как пел Виктор Цой: «Наше будущее – туман, В нашем прошлом – то ад, то рай». И тогда возникает вопрос либо о том, *кто* угадает и сообщит тенденцию, – то есть о *пророке*, визионере, либо о том, *кто* поставит *цель* и поведет к ней – то есть о *вожде*. В обоих случаях субъектность слушателя минимализирована до уровня «винтика», бессловесной «головы» из пастырского стада.

Другое дело – прошлое. Там всё состоялось: Unruhe (беспокойство) перешло в ruhende Eigenschaft (покоящееся свойство) [Marx, 1991. P. 164-165], возможность – в действительность. Предпосылки сделались инвариантными, безальтернативными относительно того, что *стало*, т. е. относительно настоящего. Рассказ о прошлом выглядит как линейная история, которая идет по плану. В таком виде (у Гегеля, например, тоже), прошлое выступает как абсолютно поглощенное и преобразованное настоящим, а настоящее – как цель предшествующей истории. Но, с другой стороны, если следовать этой логике, будущее точно так же определяется настоящим.

Таким образом, и оно тоже не самостоятельно и тоже «содержится» в настоящем. Впрочем, как мы уже говорили, рассудок разделяет противоположности, удерживает их отдельно, и они легко уживаются друг с другом. Именно аналитический подход, абсолютизирующий разделяющие, рассудочные мыслительные операции, становится источником суждений, наиболее легко воспринимаемых «здоровым смыслом».

4. Обсуждения

«Самые тривиальные и непродуманные мнимые истины становятся наукообразными в сопровождении слов "люди с самого начала..."», – писал Б. Ф. Поршнев, – «Обыденный "здоровый смысл" – плохой советчик, когда дело идет о доисторических временах. Всё ему кажется "очень просто": археоантропы и палеоантропы – это люди с той же сущностью, с теми же потребностями, что и мы, только находящиеся, так сказать, в положении робинзонов – голые, почти безоружные, ничего не умеющие. "Первый англичанин" (как называли "пильдаунского человека"¹) терпит бедствие, но как всякий джентльмен он при первой возможности постарается затопить камин, съесть бифштекс. Откуда взялись у него, однако, потребности согреться или есть жареное мясо, отличающие его от животных? Все "очень просто": эти и другие потребности как раз и отличали его от обезьян, а средства для их удовлетворения ему понемногу подсказал его ум, который открыл эти средства в изготовлении орудий, в действиях коллективом и т. д.» [Поршнев, 1974. С. 396-397].

Аналогичным образом, по меткому наблюдению К. Маркса, буржуазные экономисты выдают условия становления капитала «за условия его теперешнего осуществления», рассматривая его, таким образом, «как вечную и естественную (а не историческую) форму производства» [Маркс, 1968. С. 449]. Надо признать, в этой сфере со времен Маркса мало что изменилось. «Деньги существовали всегда ... Рента существовала всегда» – такие суждения являются общим местом «аналитических материалов», во множестве предлагаемых обывателю. А коль скоро социальные институты имеют «вечную и естественную (а не историческую) форму» (см. выше), всё сводится к природе человека, а если взять более широко – к фундаментальным природным законам. Так, автору приходилось слышать, как уважаемый профессор из Санкт-Петербурга заявлял, что обмен является фундаментальным естественным законом и лежит в основании человеческого общества [Сегал, 2009].

Перечисленные подходы отражают, пожалуй, самую распространенную тенденцию в подходе «здорового смысла» к историческому времени: *тождество прошлого и настоящего*.

Х. Арндт в связи с этим тонко заметила: «В отличие от

производства, где ясность относительно готовой продукции обеспечивается изображением или моделью, воспринимаемыми заранее глазом ремесленника, ясность относительно процессов действия, а потому и всех исторических процессов, возникает только в их конце, часто когда все участники мертвы» [Arendt, 1998. P. 192]. Иными словами, во взглядах на социально-исторические процессы либо гипостазирована постановка целей а priori, либо приписываются смыслы а posteriori – а это два разных вида деятельности. Тогда сразу возникают вопросы о субъектах: *кто* ставит цель (угадывает тренд), и *кто* потом рассказывает о ней и о процессе в целом? Кто выписывает из анналов истории и представляет обыденному сознанию картину прошлого, а значит, и гипостазировывает будущее?

Угаданная в прошлом тенденция в настоящем становится *пророчеством*. *Достигнутая* цель становится *закономерным* результатом. Что же касается не угаданных и/или не реализовавшихся тенденций и недостигнутых целей – то они просто забываются и/или становятся достоянием контрфактической истории и ретропрогнозов. В обществе идет постоянный поиск форм **презентации обществу картин прошлого и моделей будущего**. К сожалению, в этом процессе по-прежнему доминируют плоские аналогии и литературщина.

«Ясность» относительно исторических процессов, о которой писала Х. Арндт, на деле оказывается их *интерпретацией*, освобожденной от коррекции со стороны свидетелей. Но тогда возникает риск «ложной памяти» – только в виде не индивидуальной, а социальной патологии, комплементарной утопизму². То, чего не хватало в прошлом и настоящем, прогнозируется в избытке в будущем. Не правда ли, напоминает Программу КПСС 1961 года с ее прогнозом источников общественного богатства, которые «полюются полным потоком»? Впрочем, обыденное сознание чрезвычайно падко и на противоположные, ретроградные суждения: то, чего не хватает в настоящем, было в прошлом, и в будущем надо стремиться вернуть прошлое. В качестве иллюстрации можно вспомнить фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли» или ознакомиться с более свежими публикациями на тему «хруста французской булки»³. Эти формы вплотную подходят к нарративу о «золотом веке», и очевидно, что для обывателя они выполняют иллюзорно-компенсаторную функцию.

5. Заключение

Представления о будущем и объяснения прошлого – это всегда проблема *настоящего*, наличествующих общественных отношений, моральных норм, проблема рефлексии,

¹ «Пильдаунский человек», или «эоантроп» (человек зари) – одна из знаменитых мистификаций XX века. Её авторы – Ч. Доусон и П. Тейяр де Шарден – стремились доказать, что он был «недостающим звеном» в развитии человека, был изначально разумен и был предком европеоидов как «высших» форм Номо.

² Комплементарность – взаимодополнение.

³ В современной сетевой культуре бытует устойчивый термин (т.н. «мем») «булкохрусты»: им уничижительно обозначают людей, которые идеализируют дореволюционное прошлое и трактуют его с позиций аристократии, сами при этом не будучи аристократами. Термин пародирует популярную в свое время песню «Как упоительны в России вечера» композитора А. Добронравова на слова В. Пеленягрэ.

проблема *управления развитием* общества. И особого обыденное представление о прошлом и будущем как о «чуждого внимания в связи с этим заслуживают субъекты самой рефлексии и субъекты наррации, рассказывающие об обыденном сознанию о результатах рефлексии, о наличии или отсутствии целей. И чаще всего их опосредующая деятельность вкупе с отчужденностью носителя «здрoвoгo смьслa» формирует сти по *преобразованию* объекта – в субъект *ожидания*.

Литература

1. Arendt Hannah. The human condition / introduction by Margaret Canovan. – Chicago : University of Chicago Press, 1998. – 2nd ed.
2. Marx Karl. MEGA, Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie. Erster Band, Hamburg 1890. – Berlin: Dietz Verlag, 1991. – В. 10 : 1288 S.
3. Барг М. А. Шекспир и история. – М.: Наука, 1976. – 207 с. – Серия "Из истории мировой литературы".
4. Бестужев-Лада И. В. Исследования будущего: проблемы и решения. // Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс] – 28.08.2006 г. – (Дата обращения: 16.01.2018 г.). – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633>.
5. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 328 с.
6. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 293 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – 248 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Наука логики. – Москва: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с. – Филос. Наследие. Т. 63.
10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. – СПб : Наука, 1994. – 432 с.
11. Елистратова Т. У нас две партии: юнкерство и грюндерство: выдержки из доклада Сергея Переслегина на экспертном семинаре в Новосибирском госуниверситете экономики и управления 25 января 2016 г. // Эксперт Сибирь. 2016. № 46 (469).
12. Кошель В. А., Сегал А. П. Проблемы современных трансформаций субъекта знания и процесса познания // Профессиональное образование в современном мире. – 2016 г. – № 4: Т. 6.
13. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. – Т. 46, часть 1. – К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – М.: ИПЛ, 1968.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги. Время лже-пророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / ред. Садовский В. Н. – Москва: Международный фонд «Культурная инициатива»; Soros Foundation (USA), 1992. – Т. 2 – 525 с.
15. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) : монография. – Москва: Мысль, 1974. – 487 с.
16. Путилин А. И. Обыденное сознание и мораль // Философские вопросы естествознания и технических наук : материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – С. 238-247.
17. Сегал А. П. Есть ли жизнь после смерти товарного мира? (Выступление на заседании междисциплинарного лектория «Контекст». 8 октября 2009 г., Санкт-Петербург). URL : <http://www.contextfound.org/events/y2009/m10/n26> (дата обращения 14 января 2018 г.).
18. Сегал А. П. Проблемное поле исследования обыденного сознания // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал 2013. № 6. URL : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10957>
19. Сегал А. П. Опережая время. Памяти А. М. Гендина // Сибирский учитель. 2016. № 6 (109). С. 66–69.

THE FUTURE AND THE PAST IN THE MIRROR OF COMMON SENSE

Abstract. *The relevance of the study:* relevance of the problem under study is caused, on the one hand, the urgent need to build an effective strategy of social development, which cannot be done without proper assessment of the appropriate public processes, but on the other hand, the need for the formation of the subject, which sets the goals and evaluates the results of these processes. *The purpose of the study:* the Purpose of this article is a systematic presentation of the results of the study of ordinary consciousness and the inherent correlation of perception with the real development process of the displayed object. *Research methods:* the Leading approach to the study of this problem is the unity of two aspects of the consideration of the subject: logical, that is, taken from the point of view of mutual subordination of both these elements, and historical, in terms of their unfolding in time – which allows to display society as an organic whole in the process of its development. *Research result:* The article deals with ordinary ideas about the future and explanations of the past – and their relationship with the problems of the present, existing social relations, ways of reflection, with special attention paid to both subjects of reflection and the subjects of narration, which are informing the ordinary consciousness of the results of reflection and are forming (deforming) thus the subjectivity of carriers of common sense (ordinary consciousness). *Practical significance:* the Materials of the article can be useful in the examination of social projects and forecasts, as well as to identify attempts to manipulate and falsify historical, political and social information.

Key words: past, future; everyday consciousness; goal-setting; communications.

1 Segal Alexander Petrovich – PhD in Philosophy Sciences, Senior Researcher Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University. 27-4 Lomonosovskiy prospekt, 119991, GSP-1, Moscow, Russia. Email: segal.alexander@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7314-342X

References

1. Arendt H. (1998). The human condition / introduction by Margaret Canovan. (изд. 2nd). Chicago: University of Chicago Press, 349 p.
2. Marx Karl. MEGA, Das Kapital. Kritik der Politischen Ökonomie. Erster Band, Hamburg 1890. – Berlin: Dietz Verlag, 1991. – B. 10 : 1288 S.
3. Barg M. A. (1976). Shekspir i istoriia. [Shakespeare and the history]. Moscow: Nauka, 207 p. (In Russian).
4. Bestuzhev-Lada I. V. (2006, August, 28). Issledovaniia budushchego: problemy i resheniia. [The studies of futures: problems and solutions.] Centr gumanitarnykh tekhnologii. Retrieved January 23, 2018, from <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2633>. (In Russian).
5. Vazyulin V. A. (1968). Logika „Kapitala“ K. Marksa. [The Logic Of "Capital" by K. Marx]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 293 p. (In Russian).
6. Vazyulin V. A. (1988). Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii [The Logic of History. Issues of Theory and Methodology]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 328 p. (In Russian).
7. Hegel G. V. F. (1970). Nauka Logiki [Science of Logic]. Moscow: Mysl Publ., Vol. 1. 501 p. (In Russian).
8. Hegel G. V. F. (1971). Nauka Logiki [Science of Logic]. Moscow: Mysl Publ., Vol. 2. 248 p. (In Russian).
9. Hegel G. V. F. (1974). Entsiclopedija filosofskikh nauk: Nauka logiki. [The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1 Science of Logic]. Moscow: Mysl Publ., Vol. 1. 452 p. (In Russian).
10. Hegel G. V. F. (1994). Lektsii po istorii filosofii. Kniga vtoraja. [Lectures on the history of philosophy. Vol. 2]. Saint-Petersburg: Nauka publ. 432 p. (In Russian).
11. Elistratova T. (2016). U nas dve partii: junkerstvo i griunderstvo: vyderzhki iz doclada Sergeia Pereslegina na ekspertnom seminare v Novosibirskom gosuniversitete ekonomiki i upravleniia. [We have two parties: the Junkers and grundwerte: extracts from the report of Sergey Pereslegin at the expert seminar at the Novosibirsk state University of Economics and management] Ekspert Sibir on-line. 25 Jan 2016. No. 4-6(469). (In Russian).
12. Koshel V. A., Segal A. P. (2016). Problemy sovremennykh transformatsii sub`ekta znaniia i protsessa poznaniia/ [Problems of modern transformations of the subject of knowledge and of the process of cognition]. // Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world, 6(4), p. p. 664–669. (In Russian).
13. Marx K. (1968). Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. (Pervonachalnyy variant «Kapitala»). Chast pervaya.

- [Economic Manuscripts 1857–1859 (The initial version of Capital)]. 2-nd ed. Vol. 46, part I. Moscow: IPL, 560 p (In Russian).
14. Popper Karl. (1992). Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vremia lzhe-prorokov: Gegel, Marks i drugie orakuly [The open society and its enemies. "The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath" (Volume II)] – Moscow: international Foundation "Cultural initiative"; Soros Foundation (USA), 525 p. (In Russian).
  15. Porshnev B. F. (1974). O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii): monografiya [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology): the Monograph]. Moscow: Mysl publ., 487 p. (In Russian).
  16. Putilin A. I. (2014). Obydennoe soznanie i moral. [Everyday consciousness and morality/] // Filosofskie voprosy` estestvoznaniia i tekhnicheskikh nauk. Materialy` mezhdunarodnoi` nauchnoi` konferentsii. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 238-247. (In Russian).
  17. Segal A. P. (2009, October 8). Est li zhizn posle smerti tovarnogo mira? [Is there life after death of the commodity world?] [Electronic resource]. Retrieved January 14, 2018 from The Interdisciplinary Lectorium "Context", <http://www.contextfound.org/events/y2009/m10/n26>. (In Russian).
  18. Segal A. P. (2013). Problemnoe pole issledovaniia oby` dennogo soznaniia. [The problem field of the study of everyday consciousness.] Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniia». = Electronic scientific journal "Modern problems of science and education". №6. <http://www.science-education.ru/article/view?id=10957> (In Russian).
  19. Segal A. P. (2016). Operezhaia vremena. Pamiati A. M. Gendina. [Forestalling the Time. In Memory of Alexander M. Guendin] // Sibirskij uchitel, Novosibirsk, 6 (109), p. 66-69. (In Russian).